

АВЕРИН | ВАРДУНАС

ХРОНОС

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Хронос

Игорь Вардунас
Противостояние

«Автор»

2013

Вардунас И. В.

Противостояние / И. В. Вардунас — «Автор», 2013 — (Хронос)

ISBN 978-5-699-68627-8

Ревущие костры инквизиции и грохот копыт по залитой кровью Европе, готовящейся к войне с альбигойской ересью. Таинственный Жеводанский Зверь, наводящий ужас в окрестностях севера Франции, и шериф провинциального американского городка Эльдорадо, спустя столетия расследующий серию загадочных убийств в иллинойском заповеднике Шоуни. Что связывает эти события между собой и какая злоеущая тайна скрывается под обликом знаменитого Иллинойского Могильщика, вновь выходящего на тропу войны? И почему каждое раскрытое преступление в прошлом создает изменения в будущем? Подобно кругам от брошенного в воду камня, волны этих изменений прокатываются по всей истории человечества. Противостояние началось!

ISBN 978-5-699-68627-8

© Вардунас И. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Никита Аверин, Игорь Вардунас

Противостояние

Часть первая

Охота на ведьм

«Видя, что вы поглощены вихрем забот, мы находим полезным облегчить ваше бремя.

Мы решили послать братьев проповедников против еретиков.

Приказываем вам принять их дружески и оказывать им в том помощь, дабы они могли хорошо исполнять свою службу».

20 апреля 1198 года. Иннокентий III

Пролог

Если невиновный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на решение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду.

Николас Эймерик, «Directorium Inquisitorum»

Фожерен, Лангедок

Двери невысокого сарая, притулившегося к столь же кособокому двухэтажному дому, с трудом провернувшись на изрядно побитых ржой петлях, распахнулись, не став задерживать на пороге столь представительную делегацию. Впрочем, если бы нечто подобное пришло в прогнившие мозги заплесневелых досок, то вряд ли помогло бы – гости вынесли бы створки таранным ударом крепких плеч.

Но для пришедших, судя по решительному выражению их лиц, не стала бы непреодолимой преградой и фаланга македонцев. Первыми вошли внутрь два арбалетчика, наставив на заключенного, сидящего на низенькой лавке, острые жала болтов. Следом на пороге появился еще один воин, держащий в руках факел. Осторожно оглянувшись, он удостоверился, что соратники держат заключенного на прицеле и каких-либо неожиданностей со стороны того ждать не следует.

Хмыкнув, вошедший перехватил рукоять факела левой рукой, взяв в правую длинный кинжал, размерами более схожий с коротким мечом. Сплюнул в соломенную труху, скопившуюся у истертого сотнями ног порожка, и решительно шагнул внутрь помещения. Стражник прошел вдоль стен, старательно освещая все углы замшелой сараюхи. Придирчиво оглядел кривую лестницу с прибитыми вразнобой плашками, обреченно вздохнул, поудобнее перехватил рукоять кинжала и начал подниматься на чердак, немилосердно скрипя ступенями. Один из арбалетчиков, тот, что стоял справа у двери, перевел оружие в сторону чердачного лаза. Второй чуть сместился в сторону, продолжая удерживать в прицеле заключенного, все так же сидящего без малейшего движения. Проверяющий, не поднимаясь целиком, поводил факелом, освещая подкрышное пространство. Выругался, помяная нерадивых хозяев, паутину и прочие происки Нечистого.

– Никого. И ничего, – кивнул он арбалетчикам, спустившись. Затем стражник вытащил из-за пояса небольшой холщовый мешок и бросил заключенному, с трудом поймавшему его скованными руками: – Надевай!

Заклученный, молодой парень с живыми сверкающими глазами и здоровенным, на пол-лица, синяком, неловко завожившись, кое-как натянул мешок на голову, сопровождая каждое свое движение злобным ворчанием. Сжимая кинжал, к нему опасливо подошел стражник, судя по неуверенным движениям, в любой момент готовый или полоснуть с размаху, или, что вернее, отпрыгнуть в сторону. Затянул немного завязки, идущие по нижнему краю мешка, подергал кандалы.

– Готово!

Один из арбалетчиков кивнул и, обернувшись, крикнул в двери:

– Все в порядке!

Лишь после сигнала стрелка в помещение осмелились войти остальные делегаты, до этого держащиеся подальше от темного провала двери.

В сарай, заполошно озираясь по сторонам, вошли трое монахов и пожилой муж с седой на висках, судя по важному виду – сельский староста. Тут же стало очень тесно, но ни один из пришедших не рискнул бы зайти сюда в одиночку и за все сокровища мира. Ведь человек, запертый в сарае до вынесения приговора, вовсе не обычный вор или убийца! Он был страшным еретиком-альбигойцем! Монахи держались поувереннее, но вот староста и не пытался скрыть своего волнения. Он неустанно крестился, а бисеринки пота так и сверкали на лице, чей бледный овал, окаймленный неровно подстриженной бородой, светился пуще луны в ночном небе.

Монахи, облаченные в домотканые некрашенные ризы, монотонно перебирали четки и шептали молитвы, став в неровный ряд, подобием полумесяца обтекающим скамью. Невольному свидетелю они могли бы напомнить больших серых мух, плотоядно жужжащих над кучей конских яблок. Впрочем, не каждому свидетелю. Одному из арбалетчиков монахи почему-то напомнили стервятников, сгрудившихся над свежим трупом. Стрелок испуганно зашептал слова молитвы, стараясь прогнать подальше дьявольское наваждение.

Староста еще раз размашисто перекрестился и, запустив руку в отворот рубахи, с облегчением сжал нательный амулет. Прикосновение к нагретому плотским теплом мешочку с неведомым содержимым немного успокаивало. Самую малость помедлив, староста мысленно досчитал до десяти, шевеля губами, и кивнул стражнику с факелом. Воин приставил лезвие своего недомеча к горлу заключенного, придавив посильнее. Заклученный стойко перенес подобное обращение, прекрасно понимая, что с мечом у горла злобность лучше не проявлять. А то ведь тонкое полотно с готовностью разойдется под отточенным клинком. И кожа с мясом так же послушно разойдутся в разные стороны, выпуская грешную душу...

– Отец Ансельм, может, не будем тянуть крысу за хвост да прямо здесь тварь порешим? – обратился староста к одному из монахов. – Чиркнем по горлу...

Договорить староста не успел. Служитель Господа обвел пальцем вокруг себя, приложил к уху, словно желая сказать «нас подслушивают», а затем ожег его взглядом, столь переполненным ненавистью, что от страха во рту у старосты немедленно пересохло. За всеми тревожными помыслами тот и позабыл, что перед тем, как зайти в импровизированную темницу, монах строго-настрого запретил называть имена. Что присутствующих, что посторонних. – Прошу простить меня, святой отец, я не нарочно...

Но у разгневанного монаха не было ни малейшего желания выслушивать блеянье неловко оправдывающейся деревенщины. Отец Ансельм поморщился и коротким жестом прервал заикающийся поток извинений. Затем глубоко накиннул на голову капюшон, целиком укрыв его тенью лицо от нежелательных взглядов зрителей, коих за стенами сарая скопилось уже немало. Его жест повторили и другие монахи. И теперь различить служителей Святой Церкви было

возможно лишь по объемам тела, так как и по росту они являлись одинаковыми. Торопясь загладить грубую ошибку, староста махнул рукой:

– Выходим!..

Солнце понемногу всходило, щедро окрашивая небо багровыми тонами, способными навевать на маловерующего человека мрачные мысли о пролитой крови. Но на небо мало кто смотрел. Не до того было. Несмотря на столь ранний час, большая часть жителей деревни уже столпилась на площади. Народ приходил семьями, оставив дома лишь больных да вовсе уж малых детей. А небо? Да что небо, оно и так над головами каждый Божий день!

Воодушевление крестьян, собравшихся поглазеть на редкое зрелище, было вполне понятно разумному человеку, знающему толк в жизни. В размеренной, да и, что греха таить, скучной жизни Фожерена и его окрестностей не столь много развлечений. Свадьба, похороны... А уж казнь еретика – и вовсе редкость! Среди собравшихся оказалось немало народу, не сумевшего отказать себе в столь редком зрелище и явившегося из окрестных деревень. Многие готовы были и полдюжины лье отшагать, лишь бы не пропустить действия.

Людская толпа бурлила, подобно вареву в котле придорожной харчевни. Ложкой, помещивающей это варево из человек, уловленных зрелищем будущего сожжения, служил высокий столб, к коему каждый из пришедших делал подношение. К подножию столба кто клал несколько прутьев, кто валил целую вязанку хворосту. Пара монахов придирчиво осматривала «подношения», отбрасывая подальше как совсем уж сырые ветви, так и высушенные до звона. От первых – много дыма, позволяющего казнимому сгореть уже задохнувшимся, а от вторых – слишком много жару, что тоже изрядно ускоряет конец.

Настроение у толпы было праздничное, люди шутили и смеялись. По рукам ходила нехитрая закуска и баклажки с перекившим вином. На вкус – премерзкое пойло, но в голову бьет сущим молотом. А чего желать больше? Все тут – простецы с простецкими же вкусами. А если и затесался в толпу какой неведомый потомок Меровингов, то он про это и сам не знает, а посему хлебает винище, проливая на грудь и пачкая одежду наравне со всеми. И пчелы рядом не кружатся, и волосы не струятся волной...

– Колдун! Колдуна ведут! – кто из вездесущих мальчишек первым поднял крик, увидев процессию, сопровождающую заключенного, узнать не сумел бы и самый дотошный дознаватель. Ведь через краткую долю мига неумолчный гул повис над всей площадью.

– Колдуна ведут!!!

Когда народ разглядел альбигойца, чье лицо по-прежнему скрывал мешок, то волнение забурлило с новой силой, готовое перехлестнуть через край. Люди принесли с собой не только хворост и пироги с баклажками. Каждый, кто шел, не забыл прихватить с собой и десяток камней. Кое-кто не пожалел и испорченных продуктов, обоснованно решив, что без пары гнилых брюкв свин, хрюкающий в загородке, не помрет, а вот хозяину сей снаряд весьма пригодится. Всякий присутствующий на площади считал своим священным долгом метнуть булыжник в еретика. Отцы собственноручно вкладывали камни в ладони чумазных сынов и дочерей, подсказывая, как ловчее угодить колдуну прямо в мерзкую рожу. Лицо осужденного, привезенного лишь вчера откуда-то из пограничных земель, было незнакомо зевакам, но никто не сомневался в наличии пороссячьего пяточка и пары рожек, скрытых до поры под волосами. Соответственно, что рожа премерзкая, было ясно и последнему козопасу. Ну а те единицы, кто знал осужденного, предпочитали не возражать, благо с течением времени и сами готовы были возложить грязную ладонь на Библию да поклясться в истинности данного утверждения.

Но преждевременная народная расправа не входила в планы никого из власть имущих. Ни хозяина здешних мест, наместника сеньоры Монпелье, ни главы инквизиторов, доминиканца отца Ансельма, ни прячущегося в глубине крытой, охраняемой савойскими арбалетчиками повозки папского легата кардинала Годэ...

Повинуясь приказу, десяток копейщиков окружил процессию, отгоняя самых наглых крестьян. Во все стороны раздавались крепкие тумачи, нескольких вовсе уж разошедшихся человек пришлось охаживать древком по загривку. Стражники могли только отогнать подальше, не более. А вот полностью оградить заключенного от попаданий тяжелыми снарядами людской ненависти могли разве что легионеры славного Цезаря, вздернувшие свои прямоугольные щиты ввысь, соорудив подобие черепашьего панциря.

Камни и тухлые яйца летели со всех сторон. По большей части крестьяне метили в голову еретика, но доставалось и сопровождающим. Командир ополченцев истошно призывал толпу к порядку, но его зычный голос тонул в реве толпы, чья ненависть выплевывала короткие слова:

– Смерть еретику! Сжечь! Сжечь! Смерть!

Наконец, процессия, понеся не тяжелые, но пакостные потери в виде десятка шишек и пары ссадин, сумела протолкаться сквозь разъяренную толпу к центру площадки снаружи крепостной стены, к столбу, чье основание было уже неразличимо под горами хвороста.

Перед столбом людское сопротивление поутихло. Даже те, чей рассудок помутнел от хмельной смеси вина и ненависти, понял, что альбигоец от справедливой кары не уйдет. И лучше не мешаться под рукой у Церкви. Чтобы окончательно расчистить необходимое для вынесения приговора пространство, копейщикам пришлось раздать всего дюжины полторы затрещин и пару пинков. Толпа раздалась в стороны, жадно высматривая блестящими от жажды зрелища глазами каждое движение.

Заключенного поставили к столбу. Затем привязали веревками, каждую из которых два самых ражих воина проверяли на крепость, делано дергая перед собой. Толпа сопровождала очередной виток радостным гулом. Ноги, торс, руки...

Грязные веревки окончательно выпачкали одежду смертника. Впрочем, казнили не убийцу, чье носимое имущество отходило палачу, поэтому никто не обратил на это и грана внимания.

Пока на площади всю кипела работа по устройству аутодафе, монахи и староста направились к охраняемому фургону. Отец Ансельм безмолвно кивнул одному из своих помощников. Монах торопливо выудил из заплечной сумки толстый, ни разу еще не использованный лист пергамента и с почтением вручил кардиналу. Не удосужившись поблагодарить монаха даже чуть заметным наклоном головы, Ришар Годэ, не глядя, капнул на пергамент каплю горячего воска, подкрашенного красным, и приложил перстень со знаком папской канцелярии – двумя перекрещенными ключами. После чего вернул пергамент инквизитору. Ансельм, нервно пожевав губами, передал пергамент начальнику стражи, отвечавшему за исполнение казни.

Все формальности соблюдены. А значит, не стоит дарить преступившему Божий закон ни одного мгновения жизни. Следовало начинать. Вернее, заканчивать. Отец Ансельм шагнул к краю помоста, вглядываясь в тревожно волнующееся людское море под ногами. Поднял руки, призывая собравшихся к спокойствию и тишине. В тот же миг над площадью повисла гробовая тишина. Внимательно оглядев собравшихся, стараясь охватить как можно больше глаз, монах начал говорить:

– Подлежит ли еретик наказанию? Если, как инструмент злой воли демонов, он подрывает основы нашей святой веры и отказывается признавать папу наместником самого Спасителя на земле! Если он участвует в богохульных, осуждаемых Церковью «ритуалах». Если его альбигойская ересь несет людям вред, порчу, подвергает несчастьям и насылает всяческие беды! Нет сомнений, что он подлежит, как и всяк преступник, суровому наказанию, в меру своих преступлений!

Отец Ансельм обращался ко всем, но каждому казалось, что монах говорит именно с ним.

– Рассмотрев и взвесив все прегрешения этого человека, мы, скромные братья нищенствующего ордена доминиканцев, которым поручено самим папой отыскивать и искоренять ересь по всей земле, приняли решение о передаче его дела в руки светской власти...

Последние слова монаха потонули в обрадованном крике толпы, схожем со сладострастным ревом зверя, кроющего свою самку. Передача преступника в руки наместника означала одно – костер. Сожжение, уничтожающее без остатка грешное тело. То, ради чего они собрались здесь, отринув прочие заботы!

Во время всеобщего ликования никто не услышал последние слова прикованного к столбу человека.

– Это еще не конец. Слышишь, Годэ, или как там тебя? Слышишь?! Это только начало!..

Глава 1

Я клянусь и обещаю до тех пор, пока смогу это делать, преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке инквизиторам еретиков любой осужденной секты, в частности такой-то, их «верующих», сочувствующих, пособников и защитников, а также всех тех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь, их тайных посланцев, в любое время и всякий раз, когда обнаружу их.

Бернар Ги, «Наставление инквизиторам»

Майнц, Германия.

– Ну, думаю, ты – сучье охвостье! Простите, святой отец, это я не о вас думал! А все об том прохвосте, волк его заешь! А как не думать? Они же в два раза цену скидывают, ироды! В два! А я что, ломлю? Кто ломит, я?! Да ведь иначе захочу – не выйдет! Ну нету у меня возможностей таковских, чтобы дешевле товар отпускать! Святой отец, сами посудите! Мы с братом вкалываем от зари и до ночи! Рук не покладем, присесть некогда! Сеем, пропалываем, жнем, молотим, урожай растим! Молиться тоже не забываем, как можно?! С Божьей помощью и растет. Неплохо растет. Что греха таить, хотелось бы побогаче, но по трудам и плоды, все по справедливости да милости Божьей...

А этот? Сам толстущий, как бочка, ряшка жиром затекла, глаз, и тех не видно, хуже борова, право слово! Руки видели? Вот! У меня о мозоли косу править можно, а у него ладони, как булки! Какой из него честный труженик? Хоть епитимью накладывайте, хоть плетями бить велите, но не верю я! Не может человек, палец о палец не ударивший да ни капельки пота не проливший, таким сытым быть! И овощи свои за десяток лье тащить тоже не будет! Радость ему прямо великая – цену мне сбить... Я вам как на исповеди скажу, святой отец, – тут дело нечисто! Очень нечисто! И серой пахнет... нет, нет, запаха не чую, к слову пришлось! Да, выдержаннее в словах буду... Ну так вот, этот хряк толстогузый не с добром пришел! Точно вам говорю – заразу притащат! Не приведи Господь, с их травы мор пойдет, а то и, страшно сказать, чтобы не накликать, *поветрие!*..

Обычное дело – заезжий торговец сбил цену на ярмарке. Вот и побежал косой Густав не в кабак заливать горе вином, как сделал бы кто другой, а, как богобоязненный христианин, к священнику, в исповедальню, дабы срочно известить о своих подозрениях. Ну и под шумок сыпануть руками Святой Церкви конкуренту соли на хвост.

Такое происходило чуть ли не каждый день. Согласно тайной энциклике папы Иннокентия Третьего, любые доносы о ереси или колдовстве с недавних пор обязаны ложиться на бумагу и отправляться в ближайший монастырь братьев-доминиканцев, которым поручено пропалывать изрядно заросшие бурьяном церковные грядки. Толку от подобных лжесвидетельств немного, за подобный навет еще ни разу никого не потащили в подвал. Вот если помимо простого сведения счетов между селянами появится что-то серьезное, тогда да, возникает вероятность, что рано-рано утром постучатся к кому-то в дверь добрые братья-доминиканцы, улыбнутся грустно и устало и отведут в поджидающую неподалеку карету цвета ночи...

– Продолжай, сын мой, – приободрил молодой священник косого. Его скрывала резная перегородка, но что исповедующийся зеленщик обильно потел – понял бы и слепой. Смерд так и разливался. Любой другой захотел бы достать платок и приложить к лицу. Но Карл сдержался и, дабы отвлечься, решил продолжить. – Так как, говоришь, зовут того человека?

– Бернаром его кличут, – радостно ответил Густав. – Как по мне, вранье это все, что он из провансальцев, – говор не ихний! Я в тамошних краях бывал – иначе говорят.

– Прошу тебя, сын мой, не растекайся мыслию по древу. Говори по существу.

– Так я и говорю, что этот сучий хвост есть еретик и колдун! Какая же зелень?! У нас что, своей петрушки и салата нету?! Да полно! А он свою прет! Да, свежая, но опять-таки – как?! Не один день ведь к нам добираться, а он ее прет аж из деревни своей, из Фожерена!

– Откуда? – незнакомое слово резануло слух и пыталось осесть в сознании.

– Из Фожерена, святой отец! Он сказал, что он оттуда и приехал! Но мыслимое ли это дело – зелень за сотню лье везти?

– Сын мой, я все понял, достаточно! – достаточно грубо оборвал исповедник бурный поток словоизъятий.

Густав испуганно вздрогнул и замолчал.

Скомканно отпустив косому скандалисту все его грехи, Карл вышел из исповедальни. Но не через ту дверь, что вела в зал, а через потайную дверцу, за которой располагалась комната, служившая рабочим местом брату Зигмунду, слушавшему благочестивые трели горожан, торопящихся облегчить душу пред Господом. Тайна исповеди – нерушима. Но если она не выходит из круга скромных служителей церкви, нет большого греха в том, дабы излияния очередного грешника слушали сразу двое...

В комнате отсутствовали окна, и все освещение состояло из двух толстых свечей и маленького отверстия, сквозь которое брат Зигмунд слушал исповеди горожан, спешивших облегчить душу перед Господом.

– Что ты на это скажешь? – поинтересовался Карл, взяв со стола глиняную кружку секретаря и отхлебнув теплой воды.

– Если бы этот вопрос мне задал инквизитор Ансельм, я бы ответил следующим образом. На кельнской ярмарке объявился новый зеленщик, некто Бернар. По имеющимся сведениям, он около года назад прибыл в наш приход, купил водяную мельницу и начал зарабатывать перепродажей зелени и овощей. Судя по всему, он из графства Тулуза.

– Почему именно Тулуза? – Священник внимательно слушал. Зигмунд стал его помощником всего год назад, но за это время успел произвести стремительный подъем от церковного служки до личного секретаря настоятеля в богатом Майнцском приходе.

– Ну, что вы, об этом совсем нетрудно догадаться тому, у кого есть уши и кто хочет услышать! – улыбается от уха до уха секретарь. – Выговор лангедокский, да он и сам особо не скрывает, откуда родом. А у меня рядом с мельницей живет троюродный брат. Они частенько попивают вино на пару... Виновен мельник или нет, решать не мне, но выводы напрашиваются сами.

– Какие выводы? – вскинул брови Карл. – Уж не хочешь ли ты сказать, что принимаешь в расчет болтовню косого?

– Ну что вы, отец Карл, конечно нет. Всю эту чушь, про то, что Бернар привез свой товар с родины, Густав придумал по дороге к церкви. Я думаю, что пришлый приехал, осмотрелся и занялся тем делом, что может принести хороший доход. Ведь майнцские зеленщики завышают цены едва не втрое, так что тот, кто хоть немного опустит цену, даже не в базарный день распродаст свой товар еще до того, как солнце поднимется над землей... Так что для Густава и прочих нерадивых торгашей он просто бревно в глазу.

– В этом я с тобой согласен. Но все же, какие выводы ты еще сделал? Думаешь, что Бернар – еретик?

Снова эта улыбочка в ответ! Ох, Зигмунд, не заиграйся...

– В самом начале я сказал, что такой ответ я дал бы Ансельму. И вывод для его ушей сделал бы именно такой: «Добропорядочный католик вычислил опасного еретика, бежавшего к нам из Лангедока, дабы укрыться от карающей десницы Господней и насаждать ересь и смуту в сердца добропорядочных жителей Майнца!»

– А что бы ты сказал мне? – Молодой священник уже порядком утомился дышать спертым воздухом секретной комнаты и хотел как можно скорее покончить с затянувшейся умственной игрой.

– А вам, отец Карл, я скажу чистую правду. Бернар Жертье – младший сын небогатого рыцаря, по каким-то причинам вынужденный покинуть родные места и изображать из себя добропорядочного бюргера. А учитывая то, что такими причинами, скорее всего, является преследование еретиков в его родном Лангедоке, то...

Задумчивую беседу неожиданно прервал громоподобный крик, донесшийся с улицы:

– Отец Карл!!! Вы здесь?! Посыльный от его высокопреосвященства архиепископа Майнцского!

– Ладно, – сказал священник, уже подходя к двери. – Запиши о доносе зеленщика, но без выводов и подробностей. Нам положено докладывать, вот мы и доложим. А там уже пусть доминиканцы соображают. У них капюшоны высокие, такие же как полномочия по искоренению ересей. Вот пусть и думают, и решают.

Зигмунд поелозил пером по смытому пергаменту, быстрым и ловким движением присыпал чернила песком и подал свиток. Карл махнул рукой на прощание и согнулся в три погибели, чтобы протиснуться в узкую дверь. Секретарь записывал все точно, не позволяя никакой отсебятины, проверять его не было необходимости.

Весеннее солнце ослепительно било в глаза, и Карл, прикрывшись рукой, сразу же отодвинулся во внушительную тень, отбрасываемую всадником.

– Такое вот дело, герр Карл, – важно произнес курьер, – вас желает видеть архиепископ!

Пожелание архиепископа Майнцского Зигфрида фон Алленштайна, примаса королевства Германия, имперского архиканцлера, первого Великого курфюрста Священной Римской империи, а также и президента коллегии императорских выборщиков для меня, рядового приходского священника, это даже не приказ. Это воля, подобная урагану, которую нужно исполнять столь стремительно, как это позволяют ноги мула и состояние дорог благословенного Майнца. Благо до замка, в коем изволит пребывать архиепископ Зигфрид, каких-то два или три часа пути...

* * *

Резиденция архиепископа располагалась в отлично укрепленном замке, выстроенном на вершине поросшего лесом холма, куда вела длинная, закрученная серпантином дорога. Примерно на середине склона мул откровенно устал и сбавил шаг. Чтобы понапрасну не мучить животное, Карл выбрался из седла и зашагал, схватившись за лук и размышляя, зачем он, собственно, так срочно понадобился дядюшке Зигфриду.

Грозный архиепископ Майнцкий, фактический правитель Германии и полновластный наместник пребывающего на Сицилии императора Фридриха, собственно родным дядей Карлу не был. Он являлся мужем тети Агаты. Точнее – бывшим мужем, потому что тетушка уже двенадцатый год как покоится в фамильном алленштайновском склепе на недоступном для простых смертных кладбище кафедрального собора...

Зигфрид фон Алленштайн, рыцарь и крестоносец, был воинским наставником императора Генриха, умершего от лихорадки вскоре после того, как дядюшка стал вдовцом. На смертном одре в сицилийской Мессине Генрих поручил своему наставнику управлять Германией до тех пор, пока его малолетний сын Фридрих не достигнет совершеннолетия и не сможет самостоятельно руководить обширной империей. Для этого Зигфрида немедля рукоположили в священнический сан (благо его вдовство снимало всяческие препятствия) и тут же особым распоряжением тогдашнего мягкого и покладистого папы, с полного одобрения имперского

рейхстага, возвели в архиепископы Майнцские с одновременным получением и прочих титулов.

В исполнении завещания покойного императора дядюшка преуспел – он оказался воистину выдающимся политиком. Однако в душе он по-прежнему, невзирая на прожитые пятьдесят с лишним лет, оставался все тем же рыцарем-крестоносцем, который некогда отвоевывал Гроб Господень. Вот и сейчас он предавался отнюдь не государственным или церковным делам, а обучал своих рыцарей каким-то хитрым боевым приемам.

Через арку распахнутых настежь ворот было видно, что на заросшей травой площадке между внешней стеной и нереально высокой, устремляющейся к небу всеми своими восемью ярусами башне донжона рубятся на мечах конные латники.

При появлении Карла один из рыцарей, внешне ничем не отличимый от остальных, кроме большого роста и под стать всаднику огромного вороного коня, властно махнул рукой и вложил в ножны полуторный меч. Учебная схватка немедленно прекратилась, и десяток рыцарей, развернув коней, поскакали в сторону коновязи, где их ожидали слуги и оруженосцы. Высокий рыцарь направил коня прямо на Карла, едва ли не до смерти напугав несчастного мула, и остановился в двух шагах от священника. С легкостью, внушающей трепет, с учетом того, что на всаднике было надето никак не меньше двадцати фунтов железа, рыцарь спрыгнул на землю и без сторонней помощи снял с головы топхельм размерами с колодезное ведро.

Архиепископ Зигфрид – двухсаженный германец с белыми волосами до плеч и сапфирово-прозрачными глазами – не глядя бросил повод мигом подскочившему конюху и позволил оруженосцам избавить себя от перевязи с мечом, панциря и наплечников. С кряхтением (годы все же берут свое) фон Алленштайн стянул кольчугу и остался в плотной холщовой рубахе с большими пятнами пота. Слуга подал архиепископу ярко-красный кушак и накинул на плечи расшитое золотом сюрко, после чего грозный родственник наконец удостоил вниманием скромного посетителя.

– Быстро же ты добрался, Карл! – сказал он, придиричиво, от макушки до пят, оглядывая молодого священника. – Я тебя раньше ужина и не ждал.

– Ваше время слишком ценно, святой отец! – отвечал Карл, в голосе которого звучало уважение, но без тени подобострастия. – И если вы прислали за мной курьера, значит, дело не терпит...

– Да уж, в Парижском университете учат на совесть, – с удовлетворением в голосе произнес архиепископ. – И к счастью, не только теологии и юриспруденции, но и умению отличать важное от второстепенного. Не зря, бог видит, я отдал такие деньги за четыре года твоего обучения.

– Я ваш должник и вечный слуга! – сказал священник. – И готов выполнить любой ваш приказ.

– Вот об этом мы и поговорим, насчет любых приказов-то, – ответил архиепископ. – Только не здесь, а наверху, в кабинете. Дело, которое я хочу обсудить, не терпит чужих ушей и глаз.

Подъем на предпоследний этаж донжона по тесной винтовой лестнице для Карла, с детства опасавшегося замкнутых пространств, оказался истинной пыткой, но вид из окна, что раскинулся перед его взором, стоил любых жертв. Под ними среди живописных холмов серебряной лентой змеился полноводный Рейн. Величие кафедрального собора, царившего над невысокими городскими постройками, ярко демонстрировало, какую власть на земле завоевала Святая Римская церковь...

– К делу! – Карла вырвал из грез голос архиепископа.

Фон Алленштайн сидел за огромным резным столом, усеянным беспорядочным ворохом документов. Став уже не воином и даже не церковным прелатом, но канцлером, отягощенным многочисленными государственными заботами...

– Садись, слушай и не перебивай! Ты достаточно осведомлен о происходящем в мире, чтобы была нужда вдаваться в подробности. Могу не рассказывать о том, что папа Иннокентий, взойдя десять лет назад на Святой престол, едва ли не с первого дня начал беспощадную борьбу с ересью. Все бы хорошо, ересь она и есть ересь, а потому никому не нравится. Да только почему-то еретиков папские ищейки-инквизиторы находят исключительно в тех землях, правители которых отказываются признать светскую власть Церкви. Для того чтобы держать дело в своих руках, Иннокентий учредил новый орден. Доминиканцы, «псы Господни». Им дано право выискивать ересь по всем христианским владениям, а все местные священнослужители и власти обязаны оказывать этим вот инквизиторам любую помощь, какую они потребуют.

Карл, весь превратившись в слух, кивнул, ожидая, когда архиепископ перейдет от преамбулы к сути. Что и последовало незамедлительно.

– Как раз сейчас у нас в Майнце, – продолжал Зигфрид, – находятся три доминиканца-инквизитора во главе с небезызвестным фра Ансельмом, который в прошлом году в Турине за два дня отловил столько еретиков, сколько воров не ловят за год в кишасшем преступниками Кельне. Но был бы он прислан к нам один – полбеда, я такими монахами закусываю после вечерней трапезы по семь на пучок. Главная неприятность состоит в том, что этой троицей командует небезызвестный кардинал Ришар Годэ. Ты о нем слышал?

– Еще бы! – старательно закивал Карл, обрадованный тем, что дядя позволил ему говорить. – Ришар Годэ, происхождения темного, едва ли не выкрест-иудей, а то и пиренейский сарацин. О нем много шепчутся, но никто ничего толком не знает. Начал свой путь послушником в Цистерцианском монастыре, отвечавшим за чистоту отхожих мест. Принял постриг и через несколько лет был переведен в Ключни, монастырь в Шампанских землях, где формируется политика Святого престола и в тиши лесов готовятся служители для Латеранского дворца, где находится папская резиденция...

– Не нужно меня наставлять, как неофита перед первым причастием! – рявкнул теперь уже совершенно по-рыцарски Зигфрид. – Что тебе известно о нынешнем положении этого Годэ?

Карл от страха вжал голову в плечи.

– То же, что и всем, ваше высокопреосвященство. Кардинал назначен папой легатом по надзору за действиями инквизиции. Путешествует в собственном фургоне с монахами-дознателями под охраной трех десятков савойских наемников. Везде, где легат появляется, еретиков отлавливают косяками, как рыбу во время нереста. Правда, на казнь он отправляет одних лишь дьяволопоклонников и колдунов, однако все идет к тому, что скоро вешать, топить и сжигать начнут всех, кто подвергает малейшему сомнению хоть какие-то каноны истинной веры...

– Именно так, – сощурил глаза архиепископ. Теперь перед Карлом сидел хитрый, как лис, и дальновидный, словно орел, прелат. – Прислан он к нам неспроста. Епископы, а стало быть и священники в Германских княжествах назначаются светскими владетелями с одобрения архиепископов. Поэтому папа спит и видит, как бы обвинить тут нас в ереси, дабы заставить Кельн, Аахен, Майнц и прочие города благословенной Германии целовать его туфлю. Но, к счастью, я смог окружить пришлых инквизиторов столь плотной «заботой» (при слове «забота» у архиепископа хищно сверкнули зубы), что они не то что завалящего еретика – обычного прелюбодея за два месяца в городе не нашли. И все бы хорошо. Вот только мои люди перехватили и сумели расшифровать одно письмецо, отправленное кардиналу из Рима. В нем Иннокентий дает Ришару Годэ новое задание. Он должен прибыть в деревеньку на границе Прованса и Лангедока, где, по слухам, еретик на альбигойце сидит и катаром погоняет, и устроить там большой показательный суд, чтобы оскоромиться кровушкой еретиков и отправить их на костер...

– Но это же где-то далеко на границе, – набравшись смелости, вставил свои полмарки Карл. – Прованс – земля Священной Римской империи, но Лангедок – это часть Тулузы, чей

граф является вассалом французского короля. Какое нам здесь, в Германии, дело до того, что люди папы сожгут несколько тамошних еретиков?

– Самое прямое! – жестко ответил Зигфрид. – Мои осведомители докладывают, что папа смог заручиться в этом деле поддержкой французского короля. Граф Раймунд Тулузский слишком богат и слишком независим, чтобы Филипп-Август мог терпеть такого вассала. После того как Годэ зажжет первые костры, в Лангедок ринутся сотни доминиканцев, выискивая ересь в каждой навозной яме. Папа объявит крестовый поход, а французский король «не будет возражать», если его подданные добровольно возьмут крест и отправятся верхом, с обнаженными клинками, огнем и мечом искоренять ересь. А если папа сделает Лангедокские епархии своей церковной провинцией, а Филипп-Август расчленил Тулузское графство и превратит его в личный королевский домен, то оба они, и Святой престол, и французская корона, усилятся настолько, что попытаются отобрать у Империи пограничные земли, Лотарингию, Бургундию и Прованс. Поэтому мы любой ценой должны не допустить расправы над этими несчастными поселянами.

– Но поможет ли это? – осторожно спросил Карл. – Ведь если кардинал Годэ потерпит неудачу, то через год-другой придут новые инквизиторы, и рано или поздно папа добьется своей цели.

– В том то и дело, что рано или поздно, племянник. Император Фридрих Гогенштауфен только в этом году достиг совершеннолетия и начал править самостоятельно. Сейчас он наводит порядок у себя на родине, на Сицилии, и уже через несколько лет сможет прибыть в Германию. Объединенным силам империи, раскинувшейся от Северного моря до берегов Африки, будут не страшны притязания французского короля. Потому, – заключил архиепископ, – именно тебе, Карл, предстоит отправиться в Лангедок вместе с кардиналом и его прихвостнями и сделать все, чтобы его судилище закончилось крахом...

– Н-но к-как ж-же я смогу присоединиться к ик... инквизиторам? – ошарашенный Карл от неожиданности начал заикаться.

– Об этом не беспокойся. Я уже давно оговорил с папой то, что по землям Империи вместе с Годэ будет ездить уполномоченный мной священник. Деревушка, о которой идет речь, спорное владение между Арльской коммуной и сеньорой Монтелье, так что ты вполне можешь там быть, как на земле, принадлежащей Провансу. А наградой за хорошо выполненное дело станет для тебя пост каноника Майнцкого кафедрального собора...

– Каноника? – от такого предложения Карл мигом перестал заикаться. Еще бы! Ведь самое большее, на что он рассчитывал в ближайшие годы, – пост секретаря при дядиной канцелярии. Каноники кафедрального собора Майнцкого архиепископства, фактически церковные министры, были самыми богатыми и влиятельными людьми в стране после герцогов и курфюрстов. – Да я, дядя Зигфрид, буду землю зубами грызть и перетоплю этих доминиканцев как крыс! В выгребных ямах!

– Воевать с кардиналом и монахами, которых, кстати, охраняют лучшие воины, каких можно нанять за деньги, тебе, племянничек, не потребуется, – усмехнулся архиепископ. – Вслед за вашей делегацией отправится двадцать рыцарей из моей личной гвардии под началом капитана Дитриха. Этот воин по моему приказу не то что какому-то кардиналу, самому папе кишки выпустит, рукой не дрогнув, а на следующий день пойдет в ближайшую церковь, покается и получит полное отпущение. Впрочем, вот и он.

Карл обернулся к лестнице, по которой поднимался рыцарь. Отсутствующий шлем давал прекрасную возможность рассмотреть сплюснутый нос, ниспадающие на узкий лоб русые волосы. Немного косолапя, рыцарь подошел к архиепископу, коротко кивнул.

– Знакомьтесь, господа! – махнул ладонью фон Алленштайн. – Мой племянник Карл. Капитан Дитрих!

Рыцарь снова наклонил голову:

– Будем знакомы, святой отец!

Карл кивнул в ответ:

– Будем, капитан. Я искренне рад нашему знакомству.

– Ну вот, – подвел итог разговору архиепископ. – Если вам обоим все ясно, то ты, Карл, завтра утром отправляйся в монастырь к доминиканцам представляться кардиналу, он там живет. А ты, Дитрих, готовь людей и отправляйся в сторону Фожерена...

– Вы сказали Ф-фожерен, ваше в-высокопреосвященство? – переспросил Карл, к которому при упоминании этого названия мигом возвратилось заикание. – Но не далее к-как сегодня один мой прихожанин сделал донос на соседа, который как раз родом из этого Фожерена, и обвинил его в колдовстве...

Выражение лица у вскочившего с места Зигфрида начало меняться столь быстро, что ошарашенный Карл так и не смог до конца понять, кто сейчас перед ним – рыцарь, политик или прелат. Справившись с гневом, фон Алленштайн заревел так, что, казалось, еще немного, и обрушится старый донжон:

– Так какого дьявола ты молчал все время, Карл, душу твою в адский огонь!!! Теперь кардинал у нас в кармане! Дитрих, бери людей и немедленно отправляйтесь за этим, язви его, колдуном. Привезете его сюда, мы назначим собственных судей, отправим их в Фожерен и тем самым опередим инквизиторов... Ну что стали? Бегом!!!

Карл и Дитрих прогрохотали по лестнице, и неизвестно, кто создавал больше шума: закованный ли в железо рыцарь, или молодой священник, почуявший тяжкий груз ответственности...

Глава 2

Вследствие сильного душевного напряжения происходят изменение и перемещение в элементах тела. Это изменение происходит главным образом в глазах, и из них происходит излучение. Таким образом глаза заражают воздух на определенное значительное расстояние. Отсюда – новые и чистые зеркала становятся тусклыми при смотре в них женщин во время месячных очищений, как это и указывается Аристотелем (о сне и бодрствовании). Если душа неудержимо клонится ко злу, как это бывает в особенности у женщины, то это происходит, как нами ранее указано. Их взгляд ядовит и несет порчу. Главным образом он вредит детям, обладающим нежным телосложением и впечатлительностью.

Яков Шпренгер и Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

– Смазки пожелели... – сказал кто-то за спиной.

– Что? – обернулся Карл.

– Смазки, говорю, пожелели, скареды! – Один из рыцарей, чьи имена Карл забыл, не успев запомнить, пока их наскоро представляли во дворе архиепископского замка, изрядно поживший муж, с траченными сединой обвислыми усами, ткнул пальцем в сторону реки.

Капитан Дитрих, единственный, кого Карлу не требовалось представить еще раз, промолчал, вглядываясь в темные воды, вспученные недавним ливнем.

– Мельница рядом.

Впрочем, и без подсказки можно было догадаться, откуда доносится назойливый скрип водяного колеса, хитрой системой ремней соединенного с жерновами. Скрип был поистине казнь египетской, прямо-таки терзающей слух. Карл даже на секунду посетовал, что не может натянуть на многострадальные уши зимнюю шапку, надежно отсекающую лишние звуки. И на всякий случай пожалел местных жителей, слышащих сей ужасный звук ежедневно и еженощно. Хотя, с другой стороны, Бог создал человека, способным привыкнуть ко всему...

Кавалькада одолела небольшой подъем, оказавшись на возвышенности. Дорога убегала вниз, струясь серой пыльной змеей по направлению к деревне, расположенной чуть дальше. Нужная же им мельница, стоящая в неглубоком распадке у самого берега, была видна как на ладони. А возле нее, буквально в трех шагах, у миниатюрной рощицы из полудюжины сторбленых олив, возносящих к небу перекрученные, будто подагрой, ветви, стояло несколько лошадей. И вовсе не измученных непосильным трудом и паршивой кормежкой крестьянских одров. Нет, у мельницы стояли толковые кони, годные под седло даже самому привередливому из рыцарей.

Капитан привстал в стременах, оглянулся, мысленно подсчитывая спутников. Все на месте. Хотя с чего бы это вдруг кому-то отставать? Не по лесу ведь скачем, а по дороге. Пусть по проселочной и разбитой, но дороге.

– Прибавим ходу, мы уже близко!

Но рыцари, не дожидаясь приказа командира, пришпорили коней. Неизвестных лошадей увидел каждый. И что ничего хорошего эта неожиданность не несет, также понимали все.

То ли услышав топот приближающейся процессии, то ли еще по какой причине, из раскрытых ворот мельничного подворья вышел человек в смутно знакомых одеждах. Увидев всадников, он не ретировался, а, прянув обратно, заорал:

– Чужие!

Тут же навстречу остановившимся всадникам высыпала дюжина крепких парней с арбалетами. Следом за ними наружу выбрались еще несколько человек, среди которых явственно угадывалась и цель визита.

Наделяя пришедшего дельца неблагозвучными эпитетами, косой Густав, как оказалось, не далеко погрешил от истины. Мельник Бернар, или как там его звали на самом деле, был толст, обрюзгл и совершенно по-свиньячьему круглолиц. Сходство с сим злокозненным и грязным животным многократно усиливали глаза: маленькие, шныряющие и хитрые.

Судя по неверным шагам и паре ссадин на присыпанном мукою щекастом лице, мельник пытался сопротивляться. В пользу последнего говорили и его накрепко скрученные чуть ли не до плеч руки, и след от сапога на обширнейшем брюхе.

Незнакомые воины тем временем решительно готовились отстаивать оказавшуюся в их руках добычу. Закряхтели коловороты, натягивающие тугие «рога», зашипели металлом о металл мечи, покидающие уютную тесноту ножен...

Карл почувствовал, как по спине медленно-медленно покатилась капелька пота. Холодная до полнейшей пронзительности. Священник невольно позавидовал окружающим его рыцарям, хоть и знал, что недешевые хауберки, в которые они были облачены, плохо спасают от болта, выпущенного в упор. Но кольчуга все же лучше полотна мирской одежды. Пусть даже пыльной и покрытой толстой коркой грязи...

– Савойцы... – с нескрываемой злобой прошипел за плечом священника все тот же висоусый рыцарь.

За спиной раздраженно засопел капитан, морща и без того узкий лоб.

Тишину тягостной паузы, повисшей над мельницей, нарушил человек, чьего появления Карл никак не ожидал. Из ворот, припадая на левую ногу, вышел сам Ришар Годэ. Как и Карл, одет он был в мирское платье, более пригодное для дороги, нежели приличествующее по сану убранство высокого церковного иерарха. И легат, конечно же, сменил свои войлочные тапки, о которых ходили уже легенды, на мягкие сапоги.

Кардинал оглядел диспозицию блекло-голубыми, будто выцветшими глазами. По тонким губам, обезображенным шрамом, о чьем происхождении не знал никто, пробежала ироничная улыбка.

– Хватит, дети мои!

В голосе кардинала не было ни стали, ни грохота каменного потока. Но тут же лязгнули мечи, вложенные обратно, и начали щелкать вхолостую спущенные арбалеты. А Карлу почему-то захотелось незаметно вытащить из сапога пригревшийся за голенищем стилет. И затем ударить Годэ в печень. Несколько раз.

– Отче! – Карл спешился. Растоптанная грязь радостно хлюпнула под сапогами. – Не ожидал встретить вас здесь!

– Если я скажу, что удивлен не меньше, брат Карл, то нисколько не погрешу против истины! – по-прежнему улыбаясь, ответил кардинал.

Арбалетчики расступились, пропуская легата.

Годэ подошел к неловко топчущемуся Карлу. Дружески подмигнул, обернулся, указывая на помятого мельника:

– Как я понимаю, нас обоих привела в местные палестины одна и та же причина? Данная заблудшая овца, способная навредить всему стаду?

Карл кивнул. Спорить с очевидным фактом он не собирался.

– Вы быстры, брат мой! И зорки! Что ж... – Годэ замолчал, подняв глаза к небу. Тучи над головами сплетались в диковинный узор, в коем можно было увидеть драконов, рыцарей, волков, преследующих незадачливого путника... – Я был бы несказанно рад видеть вас, мой дорогой брат, среди своих соратников, денно и нощно выкорчевывающих ересь с лица нашего

прекрасного Лангедока. И, надеюсь, мой возлюбленный брат, вы не откажетесь навестить в наше скромное пристанище, дабы поучаствовать в совместной инквизиции.

Капитан Дитрих засопел вовсе уж яростно...

* * *

Доминиканцы в Майнце обосновались совсем недавно. Не больше двух лет прошло с тех пор. Впрочем, сказать, что «псы Господни» не появлялись здесь до той поры вовсе – погрешить против истины. Появлялись, и часто. Но так уж устроен человек, что при упоминании об орденских братьях он тут же начинает искать черную яру с белой пелериной. А на мирянина в изговнянных сапогах и в жизни не подумает. Ну а тот, пользуясь своим внешним обликом, будто шапкой-невидимкой из сказок презренных схизматиков, услышит и увидит прегрешений человековых гораздо больше...

Процессия, разделившаяся на две части, а что вернее, так и не сливавшаяся в одно целое, медленно ехала по узким городским улицам. Впереди бок о бок – служители Церкви, следом арбалетчики, посреди строя которых, намертво привязанный к седлу, болтался из стороны в сторону мельник Бернар, с таким бледным лицом, будто хватанул добрую кружку уксуса. Позади, отстав от замыкающих савойцев на десяток лошадиных корпусов, двигались рыцари архиепископа во главе с капитаном Дитрихом, раздувшимся, как жаба с соломинкой, запиханной шаловливыми мальчишками в задницу.

Сразу видно, что город строился людьми, живущими в окружении лютых врагов. Повороты и переулки сменяли друг друга. Улицы закручивались и пересекались под такими немислимыми углами, что будь Карл не столь привычным, то неминуемо проблевался бы от головокружения. Наконец, за очередным поворотом открылась небольшая площадь, даже скорее площадиска, привольно раскинувшаяся мошеним телом напротив ничем не примечательного здания, более напоминающего своими серыми стенами и примитивной архитектурой странно-приимный монашеский дом, а не монастырь столь знаменитого ордена. Доминиканцы в очередной раз не отступили от принципа минимальной заметности и даже не украсили фронтон своей излюбленной «факельной собакой».

Годэ, спешившись удивительно ловко для своего возраста и хромоты, бросил повод хмуromу арбалетчику с наполовину отсеченным ухом и отдал приказ:

– Мельника внутрь!

Несчастливого тут же низвергли с коня, для скорости рубанув ножом по натянутому веревкам, и, подгоняя увесистыми пинками в ту часть спины, где она уже не спина, сноровисто потащили внутрь.

Кардинал с кроткой улыбкой наблюдал за происходящим. Когда тяжелая, судя по фактуре – дубовая, дверь захлопнулась, Годэ, повернувшись к Карлу, сказал:

– Пройдемте, брат Карл, омочим наши глотки, пересохшие за долгий путь, пока нашего будущего собеседника, так сказать, подготовят к разговору.

Назвать свою глотку пересохшей после долгого пути под моросящим дождем молодой священник не рискнул бы. Но возражать кардиналу не стал. Кивнув мрачному Дитриху, Карл последовал вслед за кардиналом. Тот направился не к двери, поглотившей Бернара, а к другой, расположенной в торце здания.

– Так ближе, – не оборачиваясь, пояснил Годэ. Карл, перед тем как войти внутрь, кинул взгляд на площадь. Рыцари фон Алленштайна, коих, что греха таить, священник был бы не против считать своими, покидали площадь, не собираясь ожидать окончания инквизиции под открытым небом.

За дверью скрывалась еще одна, чуть побольше. С привратником, чьи объемы вполне могли соперничать с мельниковскими. Но если Бернар представлял собой скопище дурного

мяса с жиром, то сей достойный представитель породы Голиафов был одним сплошным мускулом. Он безмолвно посторонился, пропуская священников, смерил достаточно тщедушного Карла взглядом, в котором наличествовала странная смесь легкого презрения к никчемной букашке, с завистью к букашкиным карьерным достижениям...

– Брат Антуан из земли Бобриньяк, – сказал кардинал, когда священники миновали стража и начали подниматься по деревянным ступеням. – В детстве на беднягу напали волки, и с тех пор он нем как рыба. Даже не мычит.

– Неисповедимы пути Господни... – неопределенно ответил Карл.

Братья поднялись на второй этаж. Годэ гостеприимно распахнул перед спутником дверь, ведущую в келью.

Карл прошел внутрь. Помещение было ничем не примечательно. Узкая кровать, застеленная суконным одеялом, простая мебель, сколоченная из плохо ошкуренных досок... Если бы не роскошный письменный прибор на столе, то келью можно было принять за обиталище простого монаха, а вовсе не кардинала.

Годэ присел на краешек кровати, наклонился, вытащив свои знаменитые войлочные тапки. Морщась, стянул сапоги, отставив их в сторону.

– Прошу прощения, возлюбленный брат, но возраст, возраст...

Карл понимающе кивнул. Действительно, кардинал хоть и держится удивительно крепко, но все же он совсем не мальчик, а разменявший седьмой десяток старец.

– Ах да, точно! – хлопнул себя ладонью по морщинистому лбу Годэ. – Брат мой, я же забыл истинную причину, приведшую нас в мою скромную обитель! Слева от вас, в шкафу. Емкости – чуть ниже.

Карл, повинувшись указанию, вытащил на свет бутылку. Пробка вышла с легким хлопком, и остро пахнувшая струя плеснула в подставленные кубки. Вино оказалось непривычно терпким, но на вкус весьма и весьма приятственным.

Кардинал встал с кровати, притопнул правой ногой, смешно шлепнув задником тапка.

– Ну все, я во всеоружии, брат Карл. Спускаемся в обитель истины, скрываемой до поры?

Подвал встретил новоприбывших не обязательным для подобных помещений запахом сырости и прячущейся по углам плесени, вкупе со струящейся по склизким камням ржавой водой... Нет! Здесь сразу чувствовалась рука подлинного мастера фортификации, вложившего в оборудование комнаты весь свой талант.

Внутри было удивительно сухо и опрятно. В крыше виднелись узкие колодцы, забранные мелкой деревянной решеткой и уходящие ввысь.

– Вентиляция, – пояснил кардинал, заметив удивление спутника. – Выведены на крышу. Оттуда к нам поступает свежий воздух, а наружу не доносится ни звука. Хоть ты тут еретика в масле вари.

Судя по всему, вентиляция действительно работала, справляясь даже с чадом жаровни, пышущей огнем у дальней стены.

Вообще, спуск под землю несколько изменил спокойного доселе Годэ. Глаза старика затянуло маслянистой пленкой, посверкивающей в свете трех дюжин свечей, расставленных по всему подвалу...

– А вот и наш дорогой друг! – потирая ладони, кардинал приблизился к сидящему посреди подвала мельнику. Выколачивающий зубами панический ритм толстяк восседал на стуле с высокой спинкой, вмурованном в пол. Цепь охватывала запястья и лодыжки мельника, ощутимо впившись в жирное тело.

Рядом с пленником стоял, дожидаясь указаний, тот самый корноухий арбалетчик, сменивший доспех на кожаный фартук. После кивка кардинала воин отшагнул к невысокому столу, чуть поодаль, и сдернул с него покрывало. Ничего подобного Карл, хоть и побывавший на многих допросах, не видел. Вся столешницу занимали самые разнообразнейшие инстру-

менты, о назначении которых второй мысли и быть не могло. Вот о применение Карл тут же споткнулся. Он просто не мог придумать, что же делать минимум с двумя третями устройств. Ришар Годэ же явно знал толк в пыточном мастерстве. Будто лаская, кардинал провел по железкам кончиками пальцев. Губы его изогнула та самая кроткая улыбка, не сулившая толстяку ничего хорошего...

– Швальбе, все готово? – спросил кардинал. Арбалетчик кивнул в ответ.

– Вот и славно, вот и замечательно. А теперь, окажи любезность, покинь нас.

Корноухий, так и не сказав ни слова, вышел, аккуратно притворив за собой дверь.

Кардинал встал напротив трясущегося мельника. Надел тонкие перчатки из белой кожи. Двумя пальцами приподнял жирный подбородок, взглянув в заплаканные глаза. И сказал с нескрываемой грустью:

– Мы еще не начинали, а ты уже готов рассказать все, что знаешь?

Мельник, будучи не в силах сказать что-то членораздельное, часто-часто закивал.

– Нет, все, что знаешь, начиная от сотворения мира, рассказывать мне не надо, – покачал головой кардинал. – Нам, – Годэ посмотрел на Карла, присевшего на подходящий табурет, – с братом Карлом требуется только истина. И ничего кроме. Ты же будешь говорить только истину?

Толстяк затряс головой так часто, будто желал, чтобы она отвалилась.

– Брат Карл, ты готов записывать? Чернила и пергамент у правой стены.

– Готов, брат Ришар! – в тон кардиналу отозвался молодой священник, быстро обнаруживший искомое и усевшийся поудобнее, дабы фиксировать каждое слово, прозвучавшее здесь.

– Итак, тебя зовут Бернар?

– Истинно, святой отец! Бернар меня зовут! Бернар де Монтрезор!

– Де Монтрезор? – нахмурился кардинал. – Стало быть никакой не Жертье... Брат Карл, оторвитесь на мгновение да подайте мне воон ту штуку, с краю. Да, с зубчиками. По-моему, любезный Бернар, ты лжешь!

– Святой отец! – возопил мельник, стараясь не глядеть на ту самую штуку с зубчиками, которую Годэ задумчиво вертел у самого носа допрашиваемого. – Ну не виноватый я, что так вышло! Семейство разорилось! А я воинскими талантами обделен оказался, вот и пришлось заниматься делом, противным сословию!

– Ладно, – с явной неохотой кардинал отложил инструмент, – поверим, что сын рыцаря мог стать зеленщиком. С трудом, конечно, но поверим. А скажи-ка мне, любезный Монтрезор, раз ты уже решился быть откровенным, зачем ты оставил Фожерен и перебрался сюда?

– Ну это... – Несмотря на прохладу, толстяк обильно потел. – Обидели меня там! Жизни не давали! Дом чуть не сожгли! Через ограду гадюк кидали! В дымоход пакость засовывали!

– Только дегтем ворота не мазали, – тихонько, чтобы никто не услышал, проворчал Карл, склонившись над пергаментом.

– А что послужило причиной столь пристрастного к тебе отношения, Бернар? Поведай нам.

– Ну это... – снова стушевался мельник. – Я им... Они мне...

– Понятно, – хлопнул ладонью себе по колену Годэ. – Можешь не продолжать. Хотя, если я предположу, что тебя, как истинного христианина, не желающего видеть, а тем более участвовать во всех мерзостях тамошней еретической секты, просто хотели выжить из Фожерена?..

Кардинал сделал многозначительную паузу.

Глаза де Монтрезора, не верящего тому, что он услышал, засветились счастьем. Бернар, захлебываясь от восторга и понимания, что ему не грозит ни калящаяся в жаровне кочерга, чей кончик приобрел уже вишневый цвет, ни один из жутких предметов, лежащих так близко...

– Вы в корень зрите, святой отец! Я же всех их на чистую воду вывести хотел! Только совсем чуточку не успел! Вы сами меня нашли! А теперь, теперь я им всем покажу, как грешить!

На радостях забывший о своем нынешнем, весьма жалком положении, де Монтрезор попытался подскочить но, удержанный цепью, звучно плюхнулся обратно.

– Не стоит спешить, любезный мой брат! – сказал Годэ. – Мы сейчас с тобой уточним все детали, подлежащие выяснению. Кто глава тамошнего змеиного клубка, кто еще замешан. А вот когда все уточним, тогда придет мой любезный капитан Швальбе да распутает все узлы. Он слишком их сильно затянул для моих старческих пальцев. А тебя, брат Карл, я попрошу оставить свое занятие и, поднявшись наверх, передать мое распоряжение готовиться к отъезду. Сегодня же. Да, скажи, чтобы Швальбе твоего лавочника привез. Того, что сделал донос. Возьмем с собой, он нам не помешает.

Молодой священник кивнул, отложил пергамент, на котором успел вывести всего несколько строк, и вышел, искренне надеясь, что он не слишком долго проблуждает по незнакомому монастырю и выберется наружу раньше, чем кардинал и мельник договорятся...

* * *

Прованс, две недели спустя

Отряд, уже проделав большую часть пути, двигался по дороге, ведущей от Марселя до Арля. Карл, невзирая на то что в земли Прованса они въехали еще несколько дней назад, не переставал дивиться красотам здешних мест. Пыльная дорога, широкая, как река, бежала мимо цветущих садов и тучных полей. Справа лазурной гладью манило Средиземное море, слева у горизонта поднимались укрытые лесом холмы.

Хотя, положа руку на сердце, и боевой отряд инквизиторов представлял собой зрелище не менее живописное, нежели окрестности. Впереди на одномастных серых тяжеловозах, сгоняя на обочину бредущих крестьян и нечастые купеческие обозы, скакала тройка савойцев во главе с корноухим Швальбе. За ними, поднимая в воздух целые облака едкой дорожной пыли, полз шестиколесный фургон. Передвижное обиталище кардинала Годэ было размером с маленький дом и увлекалось вперед четверкой флегматичных волов. За фургоном, укутав лица платками, следовали верхом остальные савойцы. За савойцами на открытой платформе шла большая железная клетка, в которой сидел, нахохлившись, словно сыч, подсудимый Бернар. Кучером платформы с клеткой был немой Антуан. Горою возвышаясь на облучке, он хмуро поглядывал по сторонам, в каждую секунду готовый ожечь длинным бичом любого чужака, по неосторожности своей оказавшегося в опасной близости. Замыкали колонну несколько телег со скарбом, слугами и прикованным длинной цепью за ногу (чтобы не сбежал) свидетелем – лавочником.

Карл на своем многотрадальном муле, сторонясь по возможности общества Годэ и его лихих инквизиторов, скакал вровень с телегами, обозревая окрестности и в который раз прокручивая в голове свой последний разговор с архиепископом.

Фон Алленштайн принял его перед самым отъездом. От Дитриха он уже знал о провале миссии, а потому обрушивать на племянника гнев не стал. Тем более что Карл, лихорадочно размышлявший всю дорогу от монастыря доминиканцев до архиепископского замка, тут же представил ему свой план.

– Широко мыслишь, व्यонош! – похвалил священника Зигфрид. – Если Бернар, доставленный в Фожерен, прямо на суде откажется от своих показаний, то Годэ, как ни крути, сядет в лужу. Придется ему не солоно хлебавши из Лангедока катить. А пока папа и его прихвостни вновь соберутся с силами и найдут еще один подходящий повод, юный Фридрих прибудет в

Германию во главе сильного войска, и я со спокойной совестью смогу уйти на покой, посвятив остаток жизни рыцарским турнирам и веселым пирушк... то есть, что я говорю? В смысле, полностью отдав себя служению Господу и матери наше Святой Равноапостольной церкви... А Бернару этому так и передай. Что архиепископ Майнцский своим честным словом обещает. Если он все сделает как положено, то получит от меня доходный фьеф неподалеку от Нюрнберга, пять тысяч серебряных марок и полную защиту от любого преследования. Если захочет, то и имя ему поменяем... А чтобы оградить вас от любых неприятностей, за вами последует Дитрих со своими людьми. После того как ему пришлось уступить савойцам, капитан готов по трупам пойти, но вернуть вас обратно в целости и сохранности. Только вот нужен человек, который бы связь между вами держал. Есть у тебя такой?

– Как не быть, дядя, – радостно кивнул Карл. – Зигмунд, мой секретарь. Он обязан мне всем, и ради того, чтобы мне угодить, радостно в петлю полезет.

– Кстати, – сказал на прощание фон Алленштайн. – Перстенок-то свой ты лучшеними и спрячь. Не по чину столь дорогая игрушка скромному приходскому кюре. Нашу с тобой родственную связь лучше пока особо никому не показывать, а ты перстенок этот, как я погляжу, денно и нощно носишь...

Карл тронул перстень на своем безымянном пальце и окинул взглядом отряд.

«Обязанный» Зигмунд, за неимением собственной конной или хотя бы ослиной тяги, тряся со слугами на телеге, и уже на подъезде к Марселю представлял собой зрелище жалкое. Даже запертый в клетку Бернар выглядел на его фоне бравым орлом. Встретившись взглядом с Карлом, Монтрезор нахмурился и чуть заметно кивнул, мол, знаю, помню. Не робей, молодой начальник, все сделаем в лучшем виде.

«Вербовка», которую Карл долго не решался начать, состоялась только позавчера в Марселе, и прошла на удивление лихо. Внимательно выслушав священника, пришедшего ближе к ночи под видом желания исповедать свидетеля, «свидетель» тут же увидел неплохой шанс и, немного поторговавшись, согласился на все.

– Этот Годэ уж точно меня в живых не оставит, – флегматично прокомментировал он свой выбор. – А фон Алленштайн, все говорят, человек слова. К тому же под его рукой целое войско. Ну что же, бог не выдаст, свинья не съест...

Солнце клонилось к живописному горизонту, и в поле зрения Карла уже понемногу вырастал город Арль, последнее место ночевки до прибытия в Фожерен. Именно в Арле, по уговору с Дитрихом, будут во время следствия ждать его весточки brave германские рыцари, готовые сразу сорваться с места и, ворвавшись в пограничное селение, как выразился капитан, «во славу его светлости архиепископа порубать в капусту любую инквизиторско-савойскую мразь»...

Глава 3

*Я клирик на службе у Бога, короля и королевы,
Я требую исповедаться и истинно верить,
Любыми средствами очистить и исцелить
еретиков,
Сжечь их демонов.
Господь на моей стороне,
Он дружески приглядывает
За каждым моим движением,
Мои методы им одобрены.
Не позволите ли вы мне облегчить вашу печаль?
Позвольте мне провести с вами эту ночь,
Поверьте, все мои методы невинны и
безболезненны,
Если только вы случайно не боитесь света.*

«The Inquisitor», гр. Kamelot

Карл с тоской вспоминал о прохладной погоде, окружавшей его две недели назад. Глупец, он тогда ругал небо за проливаемые оттуда хляби. Да, грязно, да, мокро. Но зато хоть не жарко! И мухи со слепнями не кружатся серой тучей вокруг. О, тучи! Священник никогда не числил среди своих достоинств склонности к стихосложению, но сегодня он готов был вознести подлинную оду бесформенным защитницам, укрывавшим многострадальную землю от палящих лучей безжалостного Солнца.

Египтяне – язычники, достойные лишь геенны! Надо же, поклоняться треклятой, подлинно горькой звезде!

И пыль, пыль! Не выдержав, Карл догнал авангард савойцев, там хотя бы не приходилось осязать ее на зубах. Ветер, не несущий облегчения, тем не менее принес запах дыма. Не лесного пожара – дыма очага. Едущий рядом Швальбе шумно потянул ноздрями, почесал огрызок уха и выдал вердикт, подтверждающий мысли Карла:

- Мясо подгорает...
- Значит, близко! – отозвался священник.
- Хоть пожрем...

Как ни странно, но за долгий путь Карл не то чтобы сдружился с молчаливым капитаном, по совместительству исполняющим обязанности пыточных дел мастера, но начал с ним общаться, отличая от остальных. Тот оказался совершенно простецким человеком, не испытывающим ни малейшей радости от смежной должности.

– Тут какое дело, отец Карл. Ежели не я, то кто? Остальные-то ведь неумехи. А меня – цверги учили.

Вот на вопрос, каким образом савойец с немецким именем связался со сказочными подземными жителями, Швальбе молчал, лишь многозначительно почесывая ухо.

Запах усилился. Теперь в него вплелся «утонченный» запах навоза. Всем стало ясно, что цель близка. Не прошло и пятнадцати минут, как копыта коней ударили в мостовую Фожерена. Издалека кажущаяся прекрасно выполненной игрушкой, спрятавшейся подальше от городов. Утопающая в яблоневых садах и оливковых рощах, щедро дарующих свои плоды рачительным хозяевам. Увитая виноградными лозами, на которых висят тяжелые грозди, готовые лопнуть от сладчайшего сока, переполняющего прозрачные оболочки...

И навевающая мысли о погосте вблизи. Нет! Повсюду не топорщились из земли оплывшие холмики могил, и на окружающих деревьях не каркало воронье, справляющее поминки по очередному рабу Божьему, ушедшему в последний путь. Но что-то такое витало в окружающих воздушных. Нехорошее и странное.

Не бегали вокруг колонны вездесущие мальчишки, готовые обрушить град не обидных дразнилок на любого, подвернувшегося под их острые языки. Не шмыгали молодки, призывно виляющие перед мужчинами тугими задами. А если и мелькала где-то вдалеке фигура, очертанная схожая с женской, то укутана была так, будто ее хозяйка решила уподобиться сарацинке. Даже собаки не брехали из-за высоких заборов. На проезжающих глядели только закрытые ставнями окна да редкие старики, молча провожающие всадников тяжелыми взглядами.

Процессия выехала на центральную площадь, не встретив ни единого человека. Карл не услышал приказа, но воины кольцом окружили обоз, не торопясь покидать седла. То ли заранее оговорено было, то ли лишь у него рука тянулась к рукояти кинжала.

Из своего фургона выглянул кардинал, позвал кинувшегося к нему со всех ног Ансельма. Получив приказание, доминиканец коротко кивнул и отправился на поиски местного сеньора. Повинуясь движению корноухой головы, вместе с монахом двинулись два савойца, не погнушавшихся заранее взвести арбалеты.

– Во избежание, – коротко прокомментировал Швальбе и продолжил бдительно шарить глазами по окружающей местности, особое внимание уделяя закрытым окнам, выходящим на площадь. Не стронется ли с места ставня, освобождая путь тяжелой стреле, не отдернется ли плотная занавесь, выдавая скрывающегося за нею врага?

Карл вдруг осознал, что почти перестал дышать, замерев в ожидании схватки. Громко выдохнув, молодой священник прислушался. Тихо. Никто не лязгал железом и не шептал слова последнего приказа перед дракой...

– Возвращаются!

От неожиданных слов капитана Карл дернулся, но, совладав с собой, посмотрел в сторону улицы, по которой ранее уехали разведчики. Действительно, возвращались. Но уже вчетвером.

Рядом с монахом, держась за луку седла, широкими шагами двигался седой, длинный, как жердь, мужик с важным взглядом и неровно подстриженной бородой.

– Это кто такой? – склонив голову набок, внимательно рассматривал мужика кардинал.

– Местный староста, – доложил Ансельм.

– Нету у нас сеньора! – уперев руки в бока, без малейшего пиетета, заявил староста. – От Адама общиной живем, общиной же и управляемся! – Тут же, разглядев смурную физиономию сидящего в клетке Бернара, он вдруг позабыл обо всем и ринулся поближе, норовя заплевать несчастного узника. Первый плевок цели не достиг, а второй совершить не удалось.

Кончик кнута, отправленного в полет могучим возницей, пребольно ожег плечо старосты, разорвав до тела холщовый рукав.

– Что же это делается-то такое?! – заверещал староста, ловко уклонившись от бича, щелкнувшего возле самого лица. – Вы сего негодяя, хоряка позорного, в клетке держите и защищаете, невинных да честных людей избивая?!

Кардинал, которому явно наскучила вся эта возня, выразительно глянул на ближайшего к старосте арбалетчика. Тут же старик оказался уткнув лицом в землю, с выкрученными под неестественным углом руками. И что-то неразборчиво заныл.

– Поднять!

Яростно вращающего выпученными глазами на испачканном лице старосту воздели и поставили обратно на ноги.

– Так, сучий ты потрох! – перешел на язык, более пристойный воину, а не служителю Церкви, Годэ. – Заткнул свою вонючую пасть и отвечай! Раз нету сеньора, кому платите налоги?

Отплевавшись от грязи, налипшей на губы и явно оказавшейся и во рту, староста промямлил, что, мол, налоги, это самое... Кому платят? Ну как сказать, святой отец, кому платят... Вы же сами понимаете! Вон вы гладкий какой, все науки превзошли...

– Понимаю, – кивнул Годэ, – Но еще лучше я понимаю, что такие понятия, как «орднунг и дисциплинус», определенно никому не ведомы в этой местности...

Горько вздохнув, кардинал продолжил:

– Раз сеньора нет, то все вопросы по размещению к тебе. Кто хозяин того дома? – кардинал махнул в сторону двухэтажного каменного строения, выделяющегося среди прочих кроме внушительных размеров еще свежей крышей, судя по яркости черепицы, перекрытой в этом году, и надежным глинобитным забором.

– Зять. Зять мой там хозяином, – задержался староста. – Только у него ж дети, куда ж вы его...

– А у меня кто? – кардинал обвел ладонью хмурых арбалетчиков и не менее угрюмый обоз. – И ежели мне выбирать между тем, кого оставить на эту ночь без крова над головой, то я выберу третий вариант, и лучше прикажу спалить дотла вашу сраную деревню. Вместе с тобой и твоим зятем.

Не ожидавший такого, староста сник, резко став ниже ростом. Впрочем, удивился даже Карл, непривычный к такому поведению кардинала, напоминающего нынче больше предводителя банды наемников, а не духовное лицо...

– С высоты своего опыта, мой любезный брат, могу сказать одно: недочеловеки ласковому обращению предпочитают кнут. Даже идя к женщине, тоже следует не забывать о сем оружии. А этот... – кардинал не стал продолжать, занятый раскладыванием на столе знакомой уже Карлу коллекции пыточных инструментов.

Комната на первом этаже дома нисколько не напоминала подвал доминиканского монастыря, разве что несколько уподобляясь размерами. Но Ришар Годэ, готовясь к запланированному на утро процессу, стремился не к полному внешнему сходству, а к той же эффективности.

* * *

Свежий утренний ветерок охлаждал лицо Карлу. Проглотив невкусный холодный завтрак, совершенно без души состряпанный одной из хозяйских дочек, выбранной кардиналом в кухарки, священник, ночевавший на сеновале, постоял на крыльце и решительно вошел в дом.

Комната, приготовленная для допросов, вдохновляла и звала на подвиги ради торжества истинной веры. Кардинал устроился в углу напротив окна, за которым просматривался двор, заполненный лошадьми и телегами. Швальбе деловито копошился у заботливо разложенных пыточных инструментов. Двое охранников столь же деловито прикручивали к грубому креслу Бернара. Тот недовольно сопел, бросая недовольные взгляды поочередно то на кардинала, то на вошедшего Карла.

Следуя указующему персту Годэ, Карл пересек комнату и занял место за небольшим столиком, на котором стоял прибор для письма – доска с чернильницей и песочницей, писчие перья и горка чистых листов пергамента. Судя по всему, всесильный папский легат окончательно закрепил за германским порученцем обязанности судебного секретаря.

Не успел Карл как следует разложиться, как в раскрывшуюся дверь влетел запущенный добрым савойским пинком первый «подозреваемый» – староста. Потирая лоб, которым он презрительно вцепился в косяк, глава сельской общины Фожерена испуганно оглянулся и принял обычную крестьянскую позу смирения – ссутулился, голову опустил, уставившись в пол, а ладони сложил лодочкой, прикрывая пах.

Вместе подозреваемый и свидетель представляли собой довольно комичное зрелище. Бернар – взъерошенный и красный, словно только что вытащенная из земли свекла, и староста, длинный и нескладный, как колодезный журавль.

– Знаешь ли ты этого человека? – с места в карьер задал первый вопрос кардинал Годэ, глядя на старосту и указывая пальцем на выпирающий из веревок живот Бернара.

– Как не знать! – с готовностью ответил деревенский предводитель, потирая ушибленный лоб. – Звать его Бернар де Монтрезор. Он из нимских Монтрезоров разорившихся! У них от всего дворянского титула осталось два акра худой земли...

«Два акра! – записывая за старостой, охнул про себя Карл. – Это же клочок, с которого не то что рыцаря в войско снарядить, даже семью не прокормишь... Да для такого «дворянина» мельница в Майнце не просто богатство, а королевская роскошь. Вот только где и как он на нее денег добыл?»

– У нас служил сторожем при гороховом поле, – тем временем продолжал староста. – А как прознал, где хранится казна нашей общины, так взломал сундук и сбежал. А денежки там хранились на случай неурожая да для того, чтобы уважаемых господ при случае принимать должным образом.

– То есть ты утверждаешь, – глухо произнес кардинал, – что этот человек вор и сбежал из Фожерена, обокрав его жителей? Швальбе! – негромко произнес инквизитор. Савоец у него за спиной начал с веселым звоном перекладывать свои хитроумные инструменты.

Староста глянул на стол с пыточной амуницией, побледнел, сделал подряд несколько сухих вымученных глотков, так что по длинной шее вверх-вниз заходил кадык, и нехотя произнес:

– А, так вы об этом, ваше преосвященство! Ну тут дело грязное, да и сами понимаете, мне, как человеку здесь живущему, говорить о нем неуместно...

При этих словах глаза у Бернара забегали, и он стал елозить по путам складками жира.

– Ага! Похоже, уже теплее! – Глаза кардинала замаслянились, а лоб начал покрываться бисеринками пота. Годэ поглядел на старосту, затем на Бернара, после чего долго, с какой-то затаенной нежностью начал рассматривать стол, вокруг которого продолжал хлопотать, мигом сосредоточившись, Швальбе.

– Да что теплее, горячее некуда, ваше преосвященство! – плаксиво отвечал староста. – Сами понимаете, вы-то приедете да уедете, а мне здесь жить...

– Ну насчет «жить» вопрос не такой уж и однозначный, – ласково сказал кардинал. – Опять же сам понимаешь, что стойких допрашиваемых не бывает. Бывают только неумелые инквизиторы. А наш Швальбе, поверь мне, хоть и не монах-доминиканец, а простой арбалетчик, в этом деле стоит троих дознавателей в сутанах. Ты и сам не заметишь, как выложишь всю подноготную... – при последнем слове голос кардинала слегка задрожал.

Староста решительно не желал убедиться в правоте слов легата на собственной шкуре. И даже на собственных ногтях. Машинально спрятав руки за спину, он вздохнул и сказал:

– Ну да ладно, что уж тут. Вам, святой отец, все выложу, как на исповеди.

Карл дрогнувшей рукой обмакнул перо в чернильницу. Кардинал в предчувствии момента истины сощурил глаза. Староста набрал в легкие воздух и выдал на одном дыхании.

– Так и есть, ваше преосвященство! Именно этот Бернар дочку наместника Монпелье насильничал и обрюхатил. Потому из Прованса и сбежал. А наместник свою толстуху тут же замуж выдал за какого-то знатного арагонца. Так что если он узнает, что я вам обо всем рассказал, прикажет вырвать язык, колесует и утопит в мешке...

– Да кто ее насильничал?! – завизжал привязанный Монтрезор. – Эта шалава, которую отец выслал из города от греха в загородное поместье, перелюбилась со всем Фожереном и ближайшими деревнями. Так что неизвестно, чей у нее ребенок...

– Но указала-то она на тебя! – торжествующе громыхнул староста. – И копейщики наместника не за кем-то, а за тобой пришли в Фожерен.

– Пришли! – отвечал Бернар. – Именно поэтому мне и не оставалось ничего иного, как бежать из Лангедока, и чем дальше, тем лучше!

– А казну ты зачем прихватил?

– А что мне, с пустыми карманами было бежать? С тебя не убудет. Это ведь ты и твоя родня меня наместнику сдали. Чтобы лапу наложить на последние оставшиеся у нашей семьи владения...

Староста взвился, словно осел, которому сунули под хвост раскаленный уголек, и обрушил на Бернара ушаты площадной брани. Тот достойно ответил...

Выражение лица у кардинала Годэ, молча слушавшего нарастающую перепалку меж этими двумя то ли обвиняемыми, то ли свидетелями, стало точь-в-точь как у легавой собаки, у которой вытянули из пасти заслуженную добычу.

Карл же безмолвно торжествовал. Теперь в показаниях Бернара и особой необходимости не было. Даже ребенку ясно, что ни о какой ереси речи здесь не идет, а есть обычная провинциальная свара, наподобие тех комедий, что на потеху толпе разыгрывают ярмарочные комедианты.

– Хватит! – наконец оборвал перебранку Годэ. – Мы прибыли сюда не для того, чтобы разбирать ваши деревенские страсти. Этого пока что в подвал, – он указал на старосту. – А мы пока что слушаем остальных.

Опрос десятка других свидетелей, среди которых были самые разные люди – мужчины, женщины, старики и старухи, никаких особых новостей не принес. Все они, с ужасом поглядывая на Швальбе, пусть и не слово в слово, но повторяли историю, которую рассказал староста. В общем, дело было ясным, как ключевая вода в ручьях далекого Майнца: преследуемый Бернар, виноватый в том, что ему приписывали или нет, неважно (хотя, скорее всего, был-таки виноват), вынужденный скрываться в Германии, был для обвинения в ереси здешних крестьян свидетелем скверным. А если уж совсем точно, то никаким. Мотивы его оговора были очевидны и лежали на поверхности. Трудно было представить себе тот суд, который в такой ситуации примет сторону инквизиторов...

На обед кардинал убыл в мрачном молчании, и Карл, ожидая, когда легат даст команду сворачивать дела и покидать Фожерен, в мыслях уже прикидывал, какого веса нагрудный крест он, как новоиспеченный каноник, закажет у лучшего майнцкого ювелира. Выходило, что крест нужно делать в полтора фунта, не меньше...

Однако после трапезы кардинал об отъезде даже не заикнулся. Деловито прошептал в допросную мимо Карла, захлопнул дверь перед самым носом священника, после чего приказал возвратить в родную клетку Бернара, а к нему доставить томящегося в подземелье старосту. К разговору со старостой не был допущен даже сам Швальбе, и Карл начал проявлять беспокойство. К августинке не ходи, инквизитор что-то задумал. Но что именно? Это нужно было выяснить любой ценой, до того, как Годэ не начал действовать!

Делая вид, что он томится от вынужденного безделья, Карл вышел на улицу и начал неспешно прогуливаться по двору. Ага. Окно в допросной, рядом с которым должен сидеть кардинал, осталось приподнятым на полставни... Карл, словно записной деревенский бездельник, прогулявшись вдоль стены дома, выбрал место, откуда лучше всего слышались приглушенные голоса, сел, опершись спиной на прогретую за день стену, и превратился в слух.

– Ты не понял, крестьянин, – продолжал говорить Годэ. – Мне не нужны твои деньги и твои женщины. Женщины, может быть, и заинтересуют моих людей, но, поверь, савойские наемники возьмут то, что захотят, без твоего разрешения. Речь идет о том, выйдешь ли ты отсюда целым. Заметь, я не говорю «живым». После того как над тобой потрудится Швальбе, ты будешь просто молить о смерти...

– Так что же вы на самом деле хотите, святой отец? – голос старосты звучал глухо и обреченно. – Вы уж объясните селянину неразумному, а я уж постараюсь услужить чем могу. Только пока что ничего я не понял...

– Все ты отлично понял, смерд! – голос кардинала источал чистый змеиный яд. – В Фожерене есть тайные еретики. Трое. Нет, лучше пятеро. Ты мне на них укажешь и обеспечишь еще свидетелей. Мы их осудим и очистим твое стадо от шелудивых овец. Это понятно?

– Теперь уже почти что понятно, – крикнул глава фожеренской общины. – Есть у нас тут одно семейство. Злодеи, всяко хуже любых еретиков. У моего рода, который издревле пшеницу растит, с маслобойщиками давняя вражда. Деда рассказывают, что началась она с тех давних пор, еще когда римляне у деревни свой форт держали. Ихний маркитант сказал, что будет провиант закупать в деревне только из одних рук. Вот наши пращуры за тот подряд горшки и побили. До сих пор спим и видим, как друг друга со свету сжить...

– Мне ваши тяжбы до большого толедского семисвечника, – перебил старосту кардинал. – Ты сказал «почти все понятно». Что ты имел в виду?

– Дык то и имел, ваше высокопреосвященство. Непонятно мне пока что, что я буду за это дело иметь...

– Твоя целая шкура. Жизнь и безопасность твоей родне. Понятное дело, защита Церкви.

– Еще бы к этому всему деньжат подкинуть... – словно на что-то решившись, прокрихтел староста.

– Ну ты и наглец, – рассмеялся Годэ. – Впрочем, по моим наблюдениям, тот, кто служит за деньги, всегда служит на совесть. Ну и сколько же ты хочешь, мой искренно верующий друг?

– Прованские вилланы лишнего не возьмут, – с гордостью ответил прелату староста. – Достаточно, если господней милостью будет возвращено в казну то, что похитил привезенный вами мошенник.

– Ладно! – после короткой паузы произнес кардинал. – Не нам, Господи, не нам, а только для прославления имени твоего. Называй имена! Впрочем, погоди. Швальбе!!!

Кардинал проорал так, что Карл, напряженно вслушивавшийся в негромкую речь, содрогнулся всем телом.

Скрипнула входная дверь. Вероятно, корноухий арбалетчик вошел в комнату.

– Сейчас новый свидетель укажет тебе имена здешних еретиков и дома, в которых они живут, – голос кардинала звенел благородным металлом. – Завтра утром, до того как деревня проснется, возьмишь людей и всех их доставишь в подвал. И уж поверь, ты сможешь себя достойно вознаградить за сегодняшнее безделье...

– Ну так, значит, – деловито начал староста. – Главный у них – маслобойщик Гарен. Его дом, ежели отсюда считать, три... четыре... седьмой с первого левого поворота... в подручных у него старая карга Клоэ. Остальные...

Запоминая имена, а главное, расположение домов, где живут обреченные, Карл осторожно отползал от окна. Благодаря злокозненному уму старого инквизитора ситуация полностью изменилась. У Карла не было ни малейших сомнений, что Швальбе вырвет из арестованных все нужные показания, которые, будучи подкреплены другими односельчанами, приобретут законную силу и дадут возможность вынести воистину судьбоносный для всех приговор. Любой ценой их нужно предупредить еще до утра, ведь как говорится, нет человека – нет процесса...

Карл, дрожа от страха, забрался на сеновал и лежал там как мышь, дожидаясь прихода ночи.

Глава 4

*Круг замыкается, как только
Седьмая появляется ведьма.
Все они сестры и все они
Не ведают страха.
Ночь окружает их как грязная
Черная пелена.
Слушая внимательно ветер,
Ты услышишь их громкое пение,
Поклоняются и славят ночь,
Объятые даром ясновидения.
Все справедливо к знаку
Потемневший Божественной славы.
Я наблюдал за ними издали,
Я знаю, что игры их нечестивы,
Страх пробирает меня изнутри.
Тем не менее я не могу отвести
от них взгляда.
Я стал их жертвой...*

«Seven Witches», гр. Seven Witches

Если днем утопающий в садах Фожерен казался сошедшим на землю раем, то ночью безмолвное обезлюдевшее селение с наглухо запертыми воротами и опущенными тяжелыми ставнями казалось Карлу преддверием преисподней. Осторожно пробираясь вдоль стен и пересекая короткими перебежками открытые места, он двигался в сторону дома, где жил Гарен-маслобойщик, на которого староста указал как на главаря фожеренских еретиков. Благо его было легко узнать по вывешенной над воротами бочке, символизирующей профессию своего хозяина.

Добравшись до места, Карл спрятался за кустарник, укрытый густой тенью от глухой стены соседнего здания, и осторожно огляделся по сторонам. Сельские жители во все времена опасаются ночных визитеров, так что, неосмотрительно постучавшись в ворота, можно было запросто вместо благодарности за предупреждение о грозящей опасности получить в голову выпущенный из пращи камень либо на собственной шкуре оценить крепость хватки и остроту зубов злой дворовой собаки.

Осторожность оказалась совсем не лишней. Не прошло и нескольких минут, как калитка в гареновых воротах тихо раскрылась и из нее, так же как и Карл, хоронясь в тени, начали выскальзывать одна, две, три... в общей сложности семь фигур, облаченных в длинные, до пят, балахоны, с кругловерхими капюшонами, укрывающими лица и головы.

Тени проскользнули в двух шагах от того куста, за которым укрывался священник, и начали бесшумно спускаться по улице, ведущей к деревенской окраине. По мере следования процессии к ней, так же неслышно выскальзывая из расположенных справа и слева домов, присоединялись новые и новые люди. Охваченный любопытством Карл, держась на безопасной дистанции, последовал за этой загадочной группой.

Дойдя до крайних домов, процессия, которая по выходу из деревни насчитывала уже не меньше тридцати, а то и сорока человек, покинула Фожерен и так же безмолвно двинулась по едва заметной тропинке в сторону седловины меж двух холмов, засаженных оливковыми деревьями.

«Вероятно, Гарен и его родня узнали о завтрашнем аресте, – подумал Карл. – И без моей подсказки решили укрыться от инквизиции. Но почему они нацепили эти нелепые балахоны? И почему не взяли с собой никаких вещей?» Желая разобраться во всем до конца, он продолжал свое преследование. Благо спрятавшаяся за тучи луна и густые заросли вдоль тропы позволяли оставаться незамеченным без особых к тому усилий.

Фоженцы перевалили за седловину и оказались в небольшой ложбине, укрытой со всех сторон холмами. Деревьев в ложбине было совсем немного, и это были не оливки, а редкие в здешних местах раскидистые дубы. Меж дубами, среди высокой, почти по пояс, с серебристым отливом травы чернели прямоугольники каменных плит.

Это место, судя по всему, и было целью путешествия людей в балахонах. Дождавшись, когда все участники процессии втянутся в ложбину и начнут образовывать кольцо вокруг большой горизонтально лежащей плиты, изготовленной, судя по цвету, из мрамора, Карл огляделся по сторонам, подыскивая удобную позицию для наблюдения. Лучшим местом оказалась едва заметная впадина за развилкой двух не особо толстых стволов, прикрытая с одной стороны косо торчащим из земли осыпавшимся плоским камнем. При внимательном рассмотрении на камне обнаружились остатки надписи, сделанной на латыни. Карл понял, что место, в которое его привели эти странные люди, – сотни лет назад заброшенное римское кладбище...

Тем временем один из балахонщиков вышел в центр круга и встал у торца мраморной плиты. В руках он держал толстую книгу в кожаном переплете и большое каменное распятие. Внимательно оглядев присутствующих, человек сипловато заговорил:

– Братья и сестры! Не лучшее время мы выбрали для того, чтобы провести молебен. В селении окопались паписты, которые ради мирских благ и светской власти жаждут крови людей, с риском для жизни сохраняющих идеалы истинного учения, данного нам самим Христом. Но выбирать не приходится. Сегодня последнее полнолуние перед папистской пасхой, а мы давно не совершали всеобщинную исповедь, *apparellamentum*, без которой Всевышний не может отпустить нам грехи.

Балахонщики в кругу одобрительно загудели.

– Но и это еще не все, – тем временем продолжал предводитель. – Среди членов нашей общины есть молодые люди, достигшие возраста посвящения. И наш сегодняшний молебен мы начнем с обряда *consolamentum*!

«Крещение огнем и мечом!» – тут же перевел Карл, и по спине заструился холодный пот. В университете профессор, преподававший Ветхий Завет, растолковывая эту фразу, говорил, что ее с недавних пор взяли на вооружение дьяволопоклонники-сатанисты!

Предводитель церемонии положил на край могильной плиты свою книгу, рядом с ней поставил распятие и махнул рукой, призывая кого-то из окружающей безликой толпы. Тут же из круга вышли два балахонщика и опустились перед ним на колени.

– Готовы ли вы к посвящению, неофиты? – громогласно спросил предводитель.

– Готовы, Совершенный! – ответили коленопреклоненные высокими, едва не детскими голосами.

По знаку Совершенного неофиты разом откинули балахоны. Они оказались совсем молодыми людьми, лет по шестнадцать – пухлощекий курносый юноша и девушка со светлыми волнистыми волосами.

Совершенный, прикоснувшись пальцами рук к макушкам неофитов, начал распевно читать молитву. Впрочем, молитва это или, вовсе наоборот, сатанинское заклинание, Карл определить не сумел, так как язык, на котором теперь говорил предводитель общины, оказался совсем не знаком священнику.

Завершив молитву, Совершенный по очереди возложил свою книгу на голову юноше, а затем и девушке, и, накладывая поверх книги руки, усеянные перстнями, громко произносил какую-то фразу, которую вслед за ним повторял неофит, а за неофитом хором и все присут-

ствующие. Затем Совершенный взял распятие и провел им по телу каждого сверху вниз, ото лба и до низа живота. Над толпой снова поднялся одобрителный гул.

– Наша вера не признает брачных уз, что придумали лжехристиане, – завершив первую часть церемонии, произнес, обращаясь к юноше с девушкой, Совершенный. – И теперь вы двое как полноправные члены общины имеете те же права, что и мы все. Желаете ли вы по согласию сочетаться друг с другом? Ты, сестра?

– Желаю! – с чуть испуганным дрожанием в голосе ответила девушка.

– А ты, брат?

– Желаю! – произнес юноша. Его голос тоже дрожал, но не от страха, а скорее от возбуждения.

– Так сочетайтесь!

С этими словами Совершенный властным движением рук поднял посвященных на ноги и тут же, наклонившись, взялся за нижний край и ловко стянул с девушки балахон.

В свете луны, выглянувшей из-за края облака, сверкнули ладные круглые ягодицы. Ошарашенный Карл зажмурился. Когда он открыл глаза, обнаженная девушка уже раскинулась на плаще, расстеленном на мраморе, а юноша лихорадочно разоблачался, но уже без помощи наставника.

– Братья и сестры! – зычно произнес Совершенный. – Теперь же, когда посвящение завершается, обменяйтесь Поцелуями Мира!

Стоящие в кругу люди тут же откинули капюшоны и начали обниматься, кое-где объятия тут же переросли в страстные поцелуи. Карл, находясь в деревне, не вглядывался в лица крестьян и не знал их по именам, а потому в неверном свете луны не узнавал никого из присутствующих.

Тем временем прямо у него на глазах, «всеобщая исповедь» переходила в разнузданный свальный грех. Юноша-неофит, наконец-то избавившись от балахона, взобрался на плиту, и теперь неумело целовал девушку, все больше наваливаясь на юное гибкое тело. Девушка, все более распалаясь, отвечала на поцелуи и раскрывалась... Возбужденные зрелищем «братья и сестры» от относительно скромных «поцелуев мира» начали приступать к более решительным действиям. Объятия превратились во взаимные ошупывания и оглаживания, поцелуи становились все дольше и сладострастнее, а некоторые из присутствующих начали понемногу задирать друг другу подолы...

Дортуары парижского университета отнюдь не монашеские кельи, и Карлу в бытность свою студентом доводилось участвовать в разгульных пирушках. Но то, что сейчас разворачивалось перед его глазами, было просто ужасно.

– Иоанн Предтеча, увидев Христа, сказал, – подвывал Совершенный теперь уже по-провански, так что Карл его понимал: «Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви. Он будет крестить Вас Духом Святым и огнем»... Так пусть же огонь воспыхает в ваших сердцах!

Под его монотонное вытье в колыхающейся траве сплетались и расплетались в разнообразных позах и сочетаниях рычащие, стонущие, охающие и визжащие люди. Но это были отнюдь не боги античных скульптур, а простые крестьяне – дебелие матроны с колышущимися чреслами, иссушенные старухи, замученные тяжелой сельской работой плоскогрудые тощие девицы и отвратительные в своей наготе, поросшие неровной шерстью кривоногие мужики.

Зрелище было настолько отвратным, что Карл, не в силах более терпеть сей сатанинский шабаш, сплюнув, отвел глаза. Тут же у него в поле зрения оказалась незамеченная раньше девица лет двадцати, единственная из всех «братьев и сестер», включая извивающуюся на мраморном надгробии неофитку-юницу, кто вызывал хоть какие-то приятные чувства. Девушка была невысокой, пухлогубой и черноволосой. С плотной, но стройной и ладно сло-

женной фигурой и вызывающе высокой, довольно-таки большой для ее роста и телосложения грудью.

Черноволосая красавица вроде бы и участвовала в общей «исповеди», однако, как быстро заметил Карл, ужом передвигаясь через месиво потных тел, хоть и давала себя целовать и гладить, ни разу не воссоединилась ни с одним из козлирующих мужчин.

В разгар непотребного действия Совершенный, вероятно утомившись ролью стороннего наблюдателя, резко оборвал очередную «молитву» (которую, впрочем, давно уже никто из присутствующих не слушал) и, стянув с себя балахон, устремился за черноволосой девицей. Предводитель катарской секты оказался отнюдь не маслобойщиком Гареном, как предполагал Карл. Это был плюгавый мужичонка с огромной проплешиной и вывернутыми губами, за которыми виднелись редкие пеньки сгнивших зубов. Черноволосая, увидев Совершенного, остановилась, наблюдая за его на глазах растущим вождением, а когда он приблизился к ней на два или три шага, легкой ланью сорвалась с места и помчалась прочь из ложбины, в сторону кустов, в которых таился Карл.

Совершенный ринулся было в погоню, но был коротконог и одышлив, а потому сразу отстал. Рядом с ним из травы поднялась на колени пышнотелая баба, охнула, оценив по достоинству то, что находилось у нее на уровне глаз, и в мгновение ока утопила своего духовного пастыря в колышущихся тестом, сбежавшим из квашни, телесах.

Совершенный и толстуха упали в траву, а черноволосая красавица, хохоча, продолжала бежать, пока не достигла дерева, которое служило ему укрытием. Вдруг зацепившись за что-то и охнув, она картинно растянулась на корнях, выступающих из земли.

Карл, объятый ужасом вперемишку и за то, что сейчас его могут раскрыть, и за целостность упавшей девушки, тут же вскочил с належащего места и подскочил к недвижному телу. Но страхи его, точнее вторая их половина, оказались напрасны. Черноволосая удачно приземлилась на толстый ковер из мха и отделалась легким испугом. Карл взял ее за руку, пытаясь перевернуть на спину, но девушка сделала это сама. Вывернулась из его рук, приподнялась на локтях и теперь с интересом рассматривала своего то ли виновника падения, то ли спасителя.

– Ты кто? – скорее для того чтобы не усугублять собственную неловкость молчанием, шепотом спросил Карл.

– Я? Арабель... – ответила девушка с некоторым удивлением. Мол, кто здесь ее не знает? Две прекрасные полусферы покачивались в такт ее словам, и Карлу пришлось предпринять над собой неимоверное усилие, чтобы перевести взгляд от набухших возбуждением сосков на лицо собеседницы.

Луна неожиданно освободилась от кутавших ее туч, и словно яркий фонарь осветила их лица. Но, к счастью, за деревом их никто не заметил.

– А я знаю! – засмеялась, разглядев Карла, девушка. – Ты тот красавчик, который приехал с этими мерзкими святошами и привез мошенника Бернара? Так ему и нужно, негоднику, он мне обещал парчовый отрез на платье, да так и не подарил.

– Почему ты участвуешь во всем этом? – спросил Карл.

Арабель игриво хихикнула:

– Вера у нас такая. Мы с детских лет молимся по древним обычаям. Ваши попы ведь тоже учат, что Бог – это Любовь...

– Это совсем другое! – хмуро перебил ее Карл, которому все труднее давалась борьба с зовом плоти, почему он и злился. – Не путай похоть греховную и божественную любовь...

– Ну как скажешь, – быстро и чуть лукаво согласилась с ним девушка, не дав закончить фразу. – Если божественная, значит божественная. Давай я тебе хоть сейчас исповедуюсь по вашему римскому канону, а ты мне отпустишь все грехи.

Привычные слова притупили бдительность Карла, чем девушка немедленно и воспользовалась. Ее рука ловко нырнула к нему под рясу. Нашупав там то, к чему не прикасалась ни одна

женщина с тех пор, как Карл был рукоположен в священники, Арабель восхищенно надула губы, словно выговаривая длинное «о-о-о!». О том, было это восхищение притворным или же настоящим, Карл уже не думал. Потеряв всяческую способность рассуждать и осмысленно действовать, он ринулся вперед, заваливая смеющуюся катарку на мягкий, словно перина, щеко-чуший кожу мох...

Когда нарушивший целибат священник (причем нарушивший его неоднократно и самыми что ни на есть греховными способами) пришел в себя, на старом кладбище стояла мертвая тишина. Не открывая глаз, Карл провел рукой по телу и убедился, что единственным предметом одежды, на нем оставшимся, является лишь перстень на безымянном пальце правой руки. Он сел и открыл глаза.

Свальный «молебен» давно закончился. Катары, изможденные развратом, спали, развалившись на траве, поодиночке и в обнимку, укрытые смятыми балахонами и подставившие под неверный лунный свет свои сомнительные прелести. В двух шагах от Карла, на не примеченном раньше надгробии, подстелив собственный балахон и рясу Карла, тихо посапывала, по-детски подложив ладошки под щеку, обнаженная Арабель.

«Самое время покинуть этот Содом», – подумал священник. Но добраться до рясы, при этом не разбудив девушку, не представлялось возможным...

Он тронул Арабель за плечо. Девушка улыбнулась во сне и что-то неразборчиво пробормотала. Карл потряс сильнее. Арабель открыла глаза и, увидев склонившегося над ней Карла, сладострастно потянулась к нему всем телом.

– Перестань! – оттолкнул ее Карл. – Лучше приподнимись и отдай мою рясу. Нужно идти, пока не проснулись твои «братья и сестры»...

Девушка покорно сдвинулась на край надгробной плиты, но осталась лежать, с интересом наблюдая за тем, как он облачается. Карл хотел ей сказать что-то теплое и хорошее, однако опыта таких ситуаций он не имел, а потому просто не знал, что в таких случаях следует говорить...

Короткий сон возвратил ему, хоть и отчасти, способность к трезвому рассуждению, и он вспомнил, где слышал до этого имя девушки.

– Тебе нужно сегодня же, а лучше прямо сейчас покинуть Фожерен, – сказал он, оправляя рясу и стряхивая с нее прилипшие листья и травинки. – Ты ведь Арабель, племянница маслобойщика? Вашей семье грозит большая опасность...

– Все в руках Господа, – безмятежно ответила девушка. – Мое дело работать в поле, готовить еду, любить и быть любимой. А о том, чтобы наша община не пострадала, пусть заботятся Совершенные...

– Еще раз говорю, глупая! – повторил Карл. – Передай своему дяде, что сегодня Годэ отдаст приказ взять вас под стражу. А староста будет свидетельствовать, что вы еретики (что, впрочем, подумал он про себя, как выяснилось, чистейшая правда).

– Я передам, – улыбнулась ему в ответ Арабель. – Но зачем старосте свидетельствовать против дяди? Ведь все жители Фожерена, даже сбежавший Бернар, исповедуют катарскую веру...

У Карла от неожиданности перехватило дух. Более не в состоянии сказать ни слова, он развернулся и помчался, не разбирая дороги, в сторону проклятой деревни.

Ряса, напитавшаяся водой, давила на плечи, путалась в ногах, при этом испуская головокружительный мускусный запах женского тела. Когда он, изрядно поплутав среди оливковых рощ, вышел наконец к деревенской окраине, над холмами занимался рассвет.

* * *

Карл просочился во двор, оттуда осторожно пробрался в сарай и закопался в ароматное сено. Утро вступало в права, спать оставалось от силы час, но священник, возбужденный увиденным и пережитым, никак не мог себя заставить не то что уснуть – просто закрыть глаза.

Фожерен оказался и вправду настоящим рассадником альбигойской ереси, и он, как служитель церкви, обязан был приложить все силы, чтобы ее одолеть. Но ведь на другой чаше весов – обещанное архиепископом место каноника, которое даст немалую власть и позволит ощутимо влиять на события. Однако дело тут не столько, да и не только в его, Карла, карьере. На карту поставлена судьба Германии, да и не только ее – жизни десятков и сотен тысяч ни в чем не повинных людей, которых поглотят вспыхнувшие костры инквизиции.

И был в рассуждениях Карла еще один немаловажный момент. Путающий все планы и не дающий сделать холодный и трезвый выбор. Звали его, а точнее ее – Арабель. Несколько часов, проведенных в объятии девушки, пробудили в душе Карла почти забытые уже, далеко не священнические мысли и чувства, так он и сам того не заметил, как стал упорно думать не о задаче, поставленной архиепископом, и не о судьбах Европы, а о том, как спасти девушку и увезти ее с собой в Майнц. О том, что будет дальше, он особо не беспокоился, целибат и обет безбрачия никогда не останавливали жизнелюбивых германских священников. У каждого уважающего себя епископа непременно имелась в доме «экономка», «служанка» или дальняя родственница, детей которой тот воспитывал как «племянников», на что как прихожане, так и высшие иерархи с пониманием смотрели сквозь пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.